

Павел Кашин

По волшебной реке

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 785(470)
ББК 85.318
К31

Все права защищены.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
или использована в какой-либо форме,
включая электронную, фотокопирование, магнитную запись
или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации,
без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Официальные Интернет-ресурсы:
Сайт: kashin.ru
ВКонтакте: vk.com/kashinofficial
Youtube-канал: youtube.com/ПавелКашин
Instagram: instagram.com/kashinofficial
Facebook: facebook.com/kashinofficial

Кашин, Павел.

К31 Павел Кашин. По волшебной реке / П. Кашин. — Москва : Издатель-
ство АСТ, 2018. — 320 [16] с: ил. — (Легенды русского рока).
ISBN 978-5-17-982509-8

УДК 785(470)
ББК 85.318

ISBN 978-5-17-982509-8

© Кашин П., текст, 2018
© Дубровская М., фото, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Павел Кашин

ПО ВОЛШЕБНОЙ РЕКЕ

■ ДЕТСТВО

Интерес к музыке, творчеству во мне пытались пробудить мои родители, когда мне было лет десять, наверно. Моя сестра Татьяна меня на три года старше, и нас с ней отдали в музыкальную школу насильно, в принципе. Татьяна выразила бОльшую способность слуховую и ритмическую, и ее взяли на класс фортепиано, что считается элитой в музыкальных школах, в музыкальных училищах и в консерваториях. Меня, Слава Богу, не взяли на фортепиано. Слава Богу, потому что фортепиано — это все-таки детская тюрьма: человек просто не может иметь никакого детского счастья, как поиграть в футбол, хоккей, да и вообще... Меня отдали на баян, где все намного проще. Не скажу, конечно, что баян давался элементарно: порой действительно приходилось как следует потрудиться. Единственное: физически, баян, наверно, более утомительный инструмент. А вообще, он отлично развивает чувство русского задора и веселья, потому что в баяне нет сложных аккордов: музыканты знают септаккорды, сектаккорды, есть просто три аккорда и это уже весело. В то время еще, когда я поступал в музыкальное училище, баянисты его были финансовой элитой, потому что только их приглашали на свадьбы. Пианисты жили на родительские деньги.

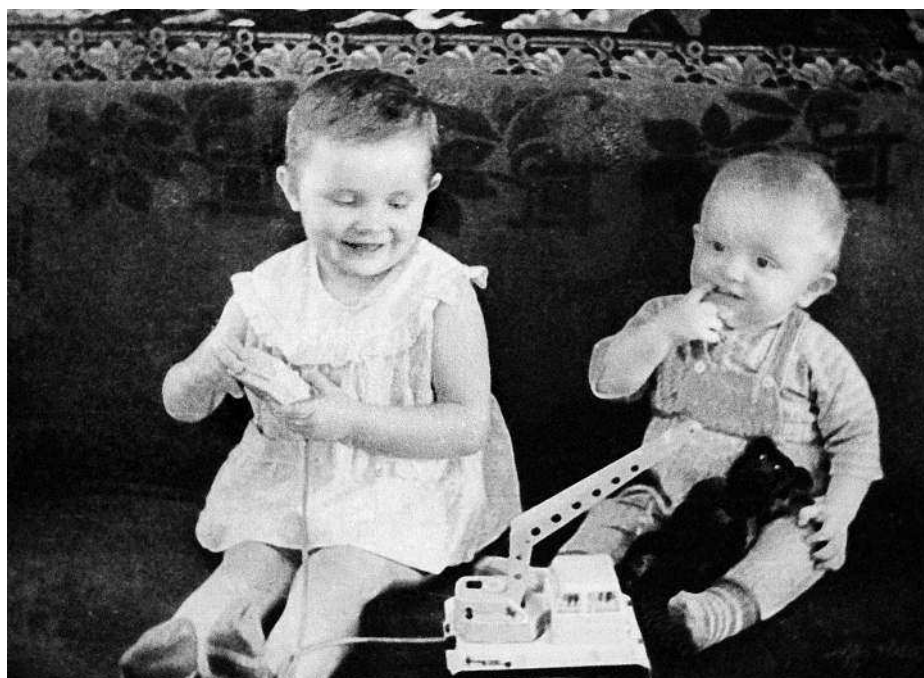
Мы с сестрой воспитывались в строгости нищеты. Строгость заключалась в том, что нужно было делать игрушки самому. В семье довольно логично объяснялось, что иметь деньги только на еду — это нормально. Ну, надо сказать, что на еду всегда действительно хватало. Но когда мама потратила рубль на такси, чтобы проводить папу (папа просто работал в аэропорту, и тогда куда-то полетел), мы потом прямо устали целый

месяц слушать о том, какие таксисты паразиты и как они много дерут.

На самом деле, интерес к музыке во мне проснулся не сразу, и в моем детстве было загублено несколько карьер. Как всякий мальчик, который жил в Казахстане, будучи в самом далеком пространстве от любого океана, моря, озера, пруда, я мечтал быть моряком. В детстве я посмотрел фильм Эйзенштейна «Броненосец Потемкин», и, наверно, его талант вдохновил меня на то, чтобы быть моряком. Почему я хотел быть моряком мне совершенно непонятно: абсолютное отсутствие логики, потому что в фильме показывают, как морякам дают гнилое мясо. Кстати, мое первое стихотворение было тоже сочинено про моряков. Сочинил я его лет в пять: оно было про моряка, который шел с тачкой против ветра в лесу. Я не знаю, откуда в лесу ветер. В общем, образ был весьма героический.

Моя мама, работая на швейной фабрике «Большевичка», хорошо шила, и каждый раз к празднику она мне делала какой-нибудь костюмчик. Я помню, что пришел в детский сад на какой-то утренник в костюме моряка с большим воротником

и бескозыркой. Понятно, что мальчики в таком возрасте обычно в два раза меньше девочек. И девочка, которая выглядела намного взрослее меня, и, я не помню — то ли она мне казалась вредной, то ли она вообще была вредная, а может, просто испытывала ко мне симпатию какую-то — она ко мне подошла, и очень сильно ущипнула за локоть. Я расплакался. На что она сказала мне, что моряки не плачут. И я осознал всю трагичность реальности. Я снял бескозырку и больше не надеялся стать моряком, что, в общем-то, наверно, в какой-то степени даже очень неплохо.

Также, еще позже, я хотел быть... нет, я не хотел быть художником, я просто был потрясающим художником в начальных классах. Я просто от природы хорошо рисовал, чувствовал светотени без того, чтобы кто-то мне объяснял, как они работают. Помню, на уроке по рисованию нас попросили...нет, нас не просили. Школы были другими тогда: нам приказали нарисовать какое-то проволочное изделие из металла. Естественно, все начали рисовать держатели под цветы, которые висели на стенах, а я, наверно, впечатленный «Невольником»

Лермонтовским, нарисовал разорванную решетку в темнице, довольно искусно переплетенную, и там реял орел молодой. Я не знаю, почему преподавательница не оценила всей поэтичности образа, ну, в общем-то, за это была поставлена двойка и вызваны родители. Мне и по сей день кажется это очень абсурдным. Сегодня бы, наверно, за это поставили пятерку, и вообще: наградили бы медалью. Так вот, это подорвало мое желание рисовать, но точку поставило на моей карьере живописца событие, которое произошло чуть позже. Я очень успешно обменивал рисунки, скопированные с мультфильма «Ну, погоди!», (я просто по памяти рисовал волка и зайца) на какие-то безделушки. У некоторых одноклассников были пластмассовые индейцы — это солдатики моей мечты, потому что у меня, по каким-то причинам, игрушки были менее продвинутые. И индейцев пластмассовых, соответственно, у меня тоже не было. Я понял, что чтобы скопить хорошую коллекцию индейцев со всевозможными томагавками, нужно запустить тяжелую артиллерию. Тогда я перерисовал мамин журнал мод без одежды. За день я скопил невероятную коллекцию индейцев, и, похоже, меня кто-то слил, потому что утром я обнаружил склад непроданных картин у себя на кровати. Вошел папа и сказал, что если еще раз увидит у меня такие картины, он маме расскажет. На этом закончилась живопись в моей жизни, что, наверно, тоже неплохо, потому что, все-таки, живописец — это человек с бородой и в свитере, а это уже как-то близко к теме барда.

Позже я чуть не стал модельером. Лет в тринадцать или четырнадцать я увидел во Дворце Пионеров на одном мальчике-музыканте какую-то фуфаечку с накладными карманами и с какими-то приштопанными полосами. Купил он ее где-то в Петербурге, тогда еще в Ленинграде, и она была такой фирменной...на самом деле, я думаю, что она была самопальная, но нам говорилось, что она очень иностранная. Я опять же, по памяти, набросал картинку. Закупил пеленки голубые, потому что они самые дешевые были. Я их закупил и половину из них покрасил в серый цвет. По-моему, в то время таблетки были такие с серой краской. В общем, я целую кастрюлю наварил

этих серых пеленок и сшил такие же комбинированные фуфайки: голубые и серые. Тогда это были жутко модные цвета. То самое время, когда в Петербурге начали носить странные ви-сящие пиджаки. Так вот: я сшил эти фуфайки, и они получились невероятно иностранные. Пошел на рынок, продал за полчаса шесть штук по пятьдесят рублей — это приравнялось примерно к месячному заработку в районе КЖБИ, районе, где я жил в Костанае. Я прямо-таки полчаса жил в раю, пока не вы-

яснилось, что за мной следит милиция. Меня, значит, поймали, такого самого страшного преступника, и стали выяснять, откуда я такой фарцовщик взялся. Я зачем-то сказал, что купил эти фуфайки в Ленинграде, на что мне стали приписывать статью. А мне ведь, на секунду, было всего лишь тринадцать или четырнадцать лет. Так вот, привезли меня домой и стали родителям рассказывать, что я фарцовщик, и меня нужно судить. На что мама сказала, что я сам сшил эти фуфайки. Они поверили только после того, как она показала все обрезки около швейной машинки. В итоге, посадить меня, разумеется, не посадили, но триста рублей отняли. Я не знаю, в казну ли города, себе ли, но факт остается фактом: трехсот рублей не стало. Я понял, что эта карьера тоже какая-то невыгодная и опасная. И не стал модельером, что, наверно, тоже хорошо. Потому что те модельеры, которых я пока знаю, именно мужчины-модельеры, это, все-таки, не мой стиль.

Однако именно в том самом Дворце Пионеров, где меня посетила мысль стать модельером, я однажды окончательно и бесповоротно понял, что хочу быть артистом. Тогда появились первые ВИА (вокально-инструментальные ансамбли). И во Дворе Пионеров был тоже такой ВИА. Меня взяли в него

запасным басистом. В какой-то момент «основной» басист заболел, и меня поставили играть на танцах. Тогда я еще играл невыносимо плохо, но уже тогда понял, что быть на сцене одним из четверых круче, чем под сценой одним из четырехсот танцующих. В общем, в то время, возможно, меня не музыка подкупила, меня подкупило как бы сияние рампы...

Итак, в музыкальном училище я получил свой диплом дирижера народного оркестра. Почему-то нам выдавали диплом дирижера народного оркестра... абсурдная ситуация, где взять столько оркестров? Тем более народных... Ни разу не пригодился мне этот диплом, что в общем-то вселило в меня такое недоверие к дипломам вообще. После этого я не заканчивал ни одного учебного заведения: я туда заходил на месяц, на год... Я присутствовал ровно столько, сколько мне это было интересно, а интересно там бывает недолго обычно. Очень быстро понимаешь, что любая наука является до какой-то степени лженаукой, и там, где интересное пропадает, то правды уже не ищешь и идешь как бы дальше, где тебе может быть интересно вновь. Я вообще всегда шел туда, где уму было развлечение, потому что жизнь можно скрасить только саморазвитием. Время коротается тогда, когда ум не зависает во времени и пространстве, где ничего не происходит. Было время, когда я встречался с девушкой, которая была очень хорошей художницей, и, следовательно, мы вместе ходили в Академию Художеств на Восточные Искусства... В армии я познакомился с сержантом, который нашел во мне слушателя, и он мне пересказал все фильмы, которые он видел. Фильмы не мейнстримовские, а с арт-уклоном. В общем, наверно, я просто встречал людей, и от них зависело направление, куда я двинусь дальше.

■ АРМИЯ

Попал я в армию самым глупым способом. После музыкального училища я по распределению попал в Костанай — свой родной город. Помнится, распределение было какое-то непо-

нятное, потому что меня никуда не прикрепили. То ли я ошибаюсь, и меня прикрепили к филармонии, а я пришел, и они, узнав, что через несколько месяцев мне нужно в армию, сказали «нет, ты нам не нужен». И я не понимал, что делать, проболтался какое-то время, и уже на излете девятнадцатого своего года понял, что нужно пойти уже в армию сходить, чтобы потом жить спокойно. Я пришел в один из последних дней декабря, и оставалось уже одна или две «отправки» солдат. И вот эти

две последние отправки были как раз теми остатками, которых никуда не взяли. Это были строительные, военно-строительные отряды: это как стройбат, только еще менее уважаемые войска... Хотя куда менее?... Я понял, что я попал, когда просто пришел к поезду, и у меня забрали паспорт. Я сел в вагон и увидел, что нахожусь среди пятидесяти сидельцев, либо с криминальным уклоном людей. Ты просто понимаешь, что из человека ты можешь превратиться в существо бесправное... да что уж там: меньше, чем в существо бесправное, за миллисекунды, когда у тебя забирают паспорт. Не хотелось бы начинать рассказ об армии с самого мрачного, но, в общем, пока мы только ехали в свою часть в Ижевск из Костаная, мы остановились на какой-то станции маленькой: была то ли пересадка, то ли еще что-то... хочется обозначить лишний раз, что со всеми вокруг мы действительно были из разных-разных миров совершенно. Так вот, и шестеро этих ребят стали выводить меня на конфликт. Они пытались унижать меня, на что я не согласился, и тогда они вшестером пригласили меня на улицу. Почему-то офицеры на это полностью закрывали глаза. Эта компания пыталась меня избить, что, в общем-то, у них не получилось. Я был маленький, но юркий. В конце концов, уже

на следующий день после па-спорта, я узнал, как из здо-рового человека ты можешь в одну секунду превратиться в инвалида. Один из той ком-пании сказал: «Я вижу ты нор-мальный мужик, давай руку». И когда я, дурак, дал ему руку, то из-за него вылетела рука с кастетом, которая мое лицо просто в ничто, в мясо рас-крошила. Вот таким я и прие-хал в войска, где давно забыли слово «милосердие». И то, что я не мог есть, разговаривать, абсолютно никого не волно-

вало, особенно офицеров, ну, если можно их этим высоким словом назвать. В армии я видел парня из Таджикистана, кото-рый... который сидел в медчасти и у него просто не было части черепа. Он трясся и не понимал, что происходит... А, офицер, к слову, который занимался больными, был самым жестоким офицером этой части. Я не знаю, что случилось с этим парнем, но я знаю, что одиннадцать процентов наших солдат погиб-ли — и это при том, что за два года мы так и не держали в руках оружия. Погибли междоусобками. Видимо, когда человек при-езжает инвалидом, то его оставляют более менее в покое. И я так более менее отшельником и прожил два года в армии. Там я увидел много чего страшного...например, эти зоновские все штучки, когда тебя душат полотенцем во сне и многое другое... Не буду рассказывать всех прибауток, которые там имели ме-сто быть... Но да, эти два года оставили сильный отпечаток... Я не знаю, наверно, в аду еще придумывают что-то пожестче, но в принципе, я думаю это сравнимо с адом, но или как мини-мум это был предбанник ада. Или шоу-рум ада.

Тем не менее, в армии я выучился играть на саксофоне. В любой так называемой части должен быть оркестр. Без му-зыки там никуда, конечно. Прапорщик-белорус провел опрос,

кто и на чем умеет играть, однако на мой ответ, что я умею играть на баяне, интереса проявлено не было. Мне пришлось соврать наполовину, что я умею играть на саксофоне. На самом деле, я за три месяца до армии купил саксофон, но играть на нем научиться не успел, конечно. Вообще, в армии инструментом является только духовой инструмент, ну или ударный как минимум. Прапорщик заинтересовался мной, и взял меня в музыкальный взвод с условием, что мне родители вышлют саксофон. И дальше было условием за две недели выучить сорок маршей. Стимулом учить было то, что если ты не сдаешь в день два или три марша, то сержант посылает тебя чистить так называемые «очки», и их чистить уже нет смысла, потому что они уже давно были убиты. Кстати, очень странное дело, но чистили их почему-то красным кирпичом. Видимо, это продолжение той известной присказки о том, что в армии «круглое носят, а квадратное — катают». В армии мой ум страдал действительно, потому что он искал во всех действиях логику... которая отсутствует. Хотя, кто знает, может какой-нибудь химик мне однажды объяснит, почему железные никелированные толчки мы чистили красным кирпичом.

В армии сержант проникся ко мне видимо из-за того, что я был единственным, кто отражал как-то любовь к поэзии, всему красивому. Я уже упоминал, что этот сержант в армейские годы пробудил во мне еще более сильную любовь к литературе и искусству. Ему было больше не с кем общаться на возвышенные темы, и именно поэтому весь взвод шел чистить от снега плац, а мы сидели с ним и пили чай. За это, разумеется, меня весь взвод опять же недолюбливал. Но в армии есть подлое слово «приказ». Поэтому ты постоянно должен либо выполнять приказ, даже чувствуя, что это подло, либо не выполнять и тупо физически от этого очень страдать. Третьего варианта не было вовсе. Зато после того, как ты выходишь из армии...из этой школы подлости, ты понимаешь, что наверно на свете нет ничего, что могло бы тебя очень сильно огорчить.

■ КАРЬЕРА

После службы я переехал в Ленинград.

Когда я еще в двадцать один год решил стать артистом, в Ленинграде с моей фамилией был очень известный певец — Олег Кваша, а в Москве — актер Игорь Кваша. Мне показалось, что как-то слишком много людей с такой фамилией на метр квадратный. И я понимаю, что все достали бы меня одним и тем же вопросом, родственники мы или нет? Я еще тогда не знал, что существует город Кашин, я тогда даже не знал, что фамилия Кашин вообще существует на самом деле. Я просто где-то однажды услышал, что остались всего два по-настоящему русских слова: это каша и сено. И подумал, почему бы мне не изменить немножко, тем более что «каша» звучит довольно здоровым и питательным словом.

Итак, я переехал в Ленинград и начал играть на саксофоне на улице. Кстати, еще до армии в самолете, когда я как раз летел за саксофоном в Петербург, рядом со мной сидела красивая девушка, для меня тогда уже очень взрослая: ей было лет двадцать шесть, наверно, а мне меньше восемнадцати. Так вот она взяла мою руку и сказала, что я стану известным

на всю страну, и даже больше, чем на всю страну. Я почему-то это запомнил, однако когда я играл на саксофоне после армии в Петербурге, я не думал об этом: Ленинград был таким волшебным! Это было то постсоветское время, когда Горбачев всю эту шарманку развалил, и все в нищете, в абсолютном непонимании, что происходит, стоят с талонами в очередях на еду, а в Петербурге фарцовщики бегают в каких-то космических кроссовках, эти финны-иностранцы. И ты просто ходишь там, как собака в цирке, а вокруг все шевелится и блестит, и ты даже не понимаешь, что это такое, но тебе хочется быть частью этого. А там еще и ленинградское телевидение, которое тогда было самым модным на всю страну, оно было действительно каким-то свежим и свободным. Я помню была передача «Кружатся диски» с Максимом Леонидовым — ее смотрели абсолютно все. Потом появился «Музыкальный ринг», где соревновались все звезды: Сергей Курехин, Борис Гребенщиков, группа «Браво», «Секрет» и многие другие... И это было невиданно до толе. А так как у меня не было прописки и, соответственно, талонов на еду, меня не могли взять никуда на работу. Да, меня хотели взять на телевидение, чтобы я писал музыку, и, помнится, еще куда-то, но узнавая, что у меня нет прописки, все это заканчивалось. Так что единственным способом зарабатывать деньги, было играть на саксофоне. И, надо сказать, мы были первой профессиональной уличной компанией, командой, которая зарабатывала действительно очень большие деньги по сравнению даже с петербуржцами. Ко мне через полгода из Костаная приехали Витя Бондарюк, Саша Кнаур, и Дима Копотиллов... И Копотиллов с Бондарюком в то время были такими шустрými парнями! Они быстро сообразили, что те произведения, которые я играю на улице, не приносят много денег, что

